

Журналисту Геннадию Бочарову исполнилось 85

В случае Бочарова это скорее новость, чем старость. Он как и прежде крепок, подвижен, сухощав. Предпочитает безукоризненно свежие белые рубашки, безукоризненно черную дорогую обувь, если галстук, то с элегантным итальянским узлом, если пиджак – то

аристократических линий.

У него, как и полвека назад, полно друзей, ему звонят генералы и министры, депутаты и популярные медиаперсоны, выдающиеся летчики и не выдающие себя ничем бойцы невидимого фронта. Он по-прежнему известен и популярен, как и во времена своей молодости. Ну, ладно-ладно, сегодня популярен чуть меньше. Все-таки он на пенсии и пишет значительно реже, чем когда-то.

Когда-то он писал часто. В «Комсомолке», в «Литгазете», в «Известиях», в ТАССе, в «Российской газете». Любая его публикация становилась событием, ее обсуждали, а автора знали в лицо. Он объездил весь мир, бывал в гостях у президентов и обитателей трущоб. К нему в гости приезжал великий Габриэль Гарсия Маркес. Я и по сей день убежден в том, что Бочаров лучший русскоязычный репортер XX века.

Он заботливый и любящий муж (обожает свою Таточку), фантастический дед и прадед. Он постоянно решает чьи-то проблемы, у него куча забот и дел. Ему редко удается оставаться один на один с собой. Однако он понимает: время от времени это необходимо делать, чего бы тебе это ни стоило. И тогда, как в молодости, он закрывает за собой дверь кабинета, садится за свой старый стол со стопкой абсолютно чистых листов

бумаги. Так всякий раз начинается его самый честный и самый тяжелый поединок. Он должен уйти отсюда, написав текст, который будет совершеннее, чем этот абсолютно чистый лист. А это означает, что он должен суметь вогнать в этот лист свой страх и восторг, свою ненависть и нежность, свой цинизм и бесконечную детскую доверчивость; он должен оставить на этом листе свои точные наблюдения, свои афористичные мысли, свою беспомощность и силу. Иногда он выходил из этого кабинета пошатываясь, ему надо было восстановиться, он слишком много терял физически. Он знает, что за закрытыми дверями никто не в состоянии ему помочь, всякий раз он должен выдерживать этот поединок с чистым листом в одиночестве и побеждать, покуда есть силы. Пока он остается непобежденным. Но я знаю, чего это ему стоит.

Не случайно девяносто процентов прочитанного им в современных СМИ он называет компьютерной щебенкой. Сам он продолжает писать от руки.

Я уговорил его рассказать всего несколько эпизодов своей репортерской жизни, эпизодов, которые рождали волнение в душах его читателей, то же самое, что переживал и он сам, сумевший без потерь передать эти чувства с помощью букв и слов, расставленных на бумаге правильно.

Юрий Лепский

Геннадий Бочаров
964 слова

Стюардесса Надя Курченко

Информация ТАСС об угоне советского пассажирского самолета в Турцию облетела мир за считанные минуты. Члены экипажа ранены, бортпроводница убита. Самолет совершил аварийную посадку в Трабзоне. В тот же день я был командирован в Сухуми и оказался единственным журналистом на месте ЧП.

Стало ясно, как девушка погибла. С двумя пулевыми ранениями в

бедро и грудь она до последней секунды сознания сражалась с двумя бандитами, которые рвались в пилотскую кабину. Ни тогда, ни позже, ни одним словом не было публично объяснено, почему нападение стало возможным. Но жизнь всегда короче правды. Все, что я узнавал о Наде в разговорах с летным составом аэропорта, тут же передавал в Москву.

Мать Нади, Генриетту Ивановну, разыскали в Удмуртии: выезжайте в Сухуми. До Москвы она добиралась поездом. В купе две девушки впервые приковали ее внимание разговорами о драме над Черным морем, о гибели бортпроводницы. Но фамилии Нади не произносили. Сердце матери обожгло слово «бортпроводница». Но в Москве, по дороге с железнодорожного вокзала во Внуково, откуда мать должна была вылетать в Сухуми, молодой таксист увидел: с его пассажиркой что-то неладно. Парень сказал: «Что вы, мамаша, так мучаетесь. У других вот горе посильней. Девчонке не было и 20, Наде Курченко, прямо в самолете убили». И протянул Генриетте Ивановне «Комсомолку» – газету с фотографией дочери и репортажем, отдиктованным мной из Сухуми.

...Десятки тысяч людей вышли на улицы Сухуми. Утопающий в цветах и лучах солнца гроб с Надей стоял на площадке у драматического театра. Самолеты поднимались с аэродрома, покачивали над городом крыльями в знак скорби и уходили в рейс. Я был рядом с гробом, поддерживал под руку Генриетту Ивановну. Материнская боль – это охваченное огнем дерево. Резонанс сухумского репортажа о хайджекинге был ошеломляющим. Небеса мира еще не были так зримо забрызганы кровью – это был первый удар колокола.

Мэри Хемингуэй

Я улетал из Боготы (Колумбия) в Нью-Йорк на встречу с вдовой классика американской литературы Эрнста Хемингуэя – Мэри Хемингуэй. Маршрут пролегал над водами Карибского моря и Южной Атлантикой. То есть в так называемом Бермудском треугольнике.

После дозаправки в Барранкилье, «Боинг» авиакомпании «Авианка»

взял курс на Нью-Йорк. Четыре часа над открытой водой.

На 20-й минуте полета правая плоскость самолета внезапно скользнула вверх. В следующую секунду «Боинг» удалось выровнять, но что-то случилось: курс был изменен – мы возвращались в Барранкилью. Слив горючее, приземлились.

Ремонт занял около часа. Вылетели штатно, без отклонений. Но на той же 20-й минуте над морем «Боинг» снова задрал правое крыло. В следующую минуту экипаж уже разворачивал самолет на обратный курс. «Бермудский треугольник» нас не пропускал. Приземлились. Ремонт продолжался 4 часа. Стемнело. На этот раз мы входили в освещенный прожектором самолет, как в хорошо знакомый гроб королевского размера. Взлет прошел нормально. Я смотрел на часы. Ровно в 20 минут (!) восьмого правый двигатель осветился пламенем и стало ясно: двигатель горит. Экипаж предпринял попытку сбить пламя эволюциями, пассажиров вдавило в кресла, начались гибельные завывания. «Боинг» с ревом несся к материку. Не приземлились, а грохнулись. В иллюминаторы хлынули струи хлорки – пожарные машины стояли вдоль всей посадочной полосы. Три спасения за полсутки – слишком много. Радости хватает только на два.

Через 10 часов, на новом, присланном из Боготы «Боинге» мы уже без происшествий летели над ночной Атлантикой. Только ночью и только над океаном можно понять, как беспределен мир и как отчаян человек в своем движении.

Встреча с Мэри Хемингуэй в ее новой нью-йоркской квартире продолжалась несколько часов. Тихий, спокойный разговор о легендарной жизни с великим писателем. Подробное изложение разговора в «Комсомолке». Упрек – реакция знаменитой журналистки и вдовы на первый абзац моего материала: «Новогодняя елка за спиной миссис Мэри сияла, как ее прошлое».

Вверх по лестнице с Маркесом

В Москве Габриелю Маркесу и его супруге Мерседес выделили правительственную «Чайку». Их приезда я ожидал к 18.00. В эти

же минуты оба лифта в моем подъезде замерли. Остановились. Я жил на 16-м этаже. Сделал несколько звонков в Моссовет – срочный ремонт. С 15-летним сыном спустились пешком в подъезд. «Чайка» остановилась. Габриель был весел и приветлив. К этому моменту мы были знакомы уже около трех лет.

Шестнадцатый этаж! Сын предложил подняться на лифте соседнего подъезда. Там – через чердак и пожарный люк – напрямик в наш подъезд. Автор «Ста лет одиночества», будущий Нобелевский лауреат вариант отверг. «Пошли».

54 года, тяжелая недавняя операция. Я испытывал ярость. Стыд.

В квартире, увидев накрытый стол, Мерседес сказала: «Габо! Впервые за все наше путешествие мы заработали свой ужин физическим трудом».

Чудесный вечер. Вниз спускались в начале двенадцатого ночи. Спускались пешком. Лифты оставались неподвижными. Габриель сказал: «Социализм». Ночью из моей головы не выходила одна из наших первых встреч.

...Прибрежное кафе. Берег тропической Атлантики. Между стволами сосен, бесшумно, словно испарения, двигаются люди. Восемьдесят человек. У каждого – тонкая палка с гвоздем на нижнем конце. Нагибаются, накалывают на гвозди любой клочок бумаги, окурки, обертки от жвачки. Очищают прибрежную рощу. Спрашиваю у Габриеля: «Кто эти люди? Почему не похожи на других?» Маркес оглядывается, отвечает: «Недалеко отсюда психиатрическая больница. Они оттуда». Тихо помешанные проходят рядом с нами. Я думаю о том, что в мире, наверное, еще никогда так опасно не сближались пульсирующий интеллект гения и вакуумная пустота человеческого безмыслия.

Ночью в отеле «Кабул»

Я нахожусь в 117-м номере отеля «Кабул»: плафон разбит, стены иссечены пулями, телефонный шнур выдернут из розетки. Недавно в номере был убит посол США в Афганистане Адольф Дабс. В номер

никого не поселяли. Я стал первым. Вечером 23 февраля 1980 года отель окружает орущая многотысячная толпа.

В огромном отеле – не более 20 человек. Дипломаты, журналисты, советники. Стрельба за окнами нарастает. Соседний отель «Пак» пылает, как стог сена. Слышны истошные крики мужчин в турбанах и женщин в парандже: «Аллах акбар! Шурави марг! Марг! Марг!» (Аллах велик, советским смерть! Смерть! Смерть!).

Связь с посольством не работает. Оружия нет. Афганская охрана отеля сбежала. Надежды на спасение тают. Мы знаем: фанатики убивают медленно. Вначале пробьют ножами предплечья. Потом отрежут пальцы. Отрежут член. Пробьют глаза. Разрежут ноздри. Поруганной станет сама смерть неверного. У нас – одна граната. И мечта о мгновенной смерти. Но одной гранатой мгновенной смертью всех не одаришь. Запах гари плотнее войлока. Плен. Плен. Внезапный топот ног. «Вот и всё», – думаю я. «Всё». Но это свои! Десантники бегут по широкому коридору, кривоногий майор, надрываясь, кричит: «В бэтээры! В бэтээры! Мятеж! Мятеж!»

С тех пор я усваиваю важнейшую вещь: если есть хоть одна минута – всё впереди. Меня впихивают в БТР. Через его триплекс вижу освещенные пожаром дувалы, мечети и бушующие толпы. Самый жестокий и массовый мятеж после ввода советских войск в страну в разгаре.

Остаток ночи провожу на посольском столе. Над головой, на стене, портрет Л.И. Брежнева. Вернувшись из мусульманского 1358 года в свой, христианский 1980-й, я ничего не испытываю. Только боль в жилах. Только боль в жилах. И личное прозрение: время течет не вдаль, подобно реке, а вертикально: снизу – вверх. И поднимает со дна всю муть и всю грязь. И всё зло. И несет это всё из эпохи в эпоху. Так будет всегда, пока есть низ и пока есть верх.